

Курнос

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дюонмарк

Денис Марков

Курнос

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Марков Д. Ф.

Курнос / Д. Ф. Марков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

История беспризорников. Жизнь и проблемы за ту сторону стены. Кто из нас, живущих в тепле и уюте, задумывался, а как живут люди без дома, прописки и семьи? С какими невзгодами они сталкиваются? А что будет, если судьба им даст шанс на новую жизнь? И не придется ли переплатить с процентами за этот подарок? Отредактированная версия. Предупреждение!!! Присутствует ненормативная лексика и жестокие сцены!!! +21 Содержит нецензурную брань.

КУРНОС

Предисловие

Северный ветер пронизывал до косточек, не спасала даже брезентовая куртка, накинутая на плечи. По радио ди-джей уверял, что ночь будет теплая из-за идущего циклона. А днем, так вообще температура воздуха поднимется до 20+ по Цельсию, не смотря на середину октября, но как обычно бывает, все было в точности, до наоборот. Правда всё ещё могло поменяться, во что с трудом верилось. Повея от холода плечами и сделав вздох, Аркадий выбежал по ступенькам из будки, к машинам.

С радостным визгом навстречу Аркадию выбежала большая псина, прицепленная ошейником к цепи.

– Что Мухтар, скучаешь? – сочувственно пробормотал Аркадий, теребя загривок собаки. Тот, услышав свое имя, радостно завилял хвостом и в порыве чувств поднялся на задние лапы, норовя передними замарать куртку Аркадия.

– Мухтар перестань! – умоляюще выкрикнул он, но видя, что окрик не прервал собачью радость, а даже наоборот, приободрил пса, Аркадий ретировался от Мухтара на длину цепи. И только на достаточном расстоянии от посягательств собаки, Аркадий со спокойной душой стал оглядывать автостоянку.

Умеренный свет прожекторов вполне освещал все стоящие на стоянке машины. Аркадий по привычке стал считать автомобили, зная всю бессмысленность своих действий – все было в порядке. Машины все, колеса на них в полном комплекте, посторонних людей вблизи огражденной территории отсутствовали... все было нормально, как обычно, как в принципе и должно быть. И уже поворачиваясь в обратную сторону, к сторожевой будке, каким-то мимолетным чутьем Аркадий почувствовал какую-то нестыковку в нормальной панораме. Сделав пару шагов к будке, Аркадий остановился и повернулся обратно к машинам. И внимательно стал просматривать стоянку.

Конечно же, одно лишнее пятно проступало между двумя дальними тенями от машин. Нащупав резиновую дубину на поясе, Аркадий медленно, крадущейся походкой, стал подходить к машинам. И уже когда осталось пройти еще пару метров, он заметил, как тень чуть дернулась.

Поняв, что между машинами кто-то есть, нервным движением, Аркадий сорвал с пояса дубинку и, замахнувшись, выскочил из-за угла зада «шестерки».

– Стоять!! – резко выкрикнул Аркадий, готовый применить дубину по назначению.

– Дяденька не бей! – детский испуганный голосок несколько остудил пыл Аркадия, приведя в полное замешательство.

– Ты чего здесь делаешь? – сконфуженно спросил Аркадий, разглядывая жалкий маленький комочек. Пацаненок от страха весь съежился, пытается раствориться или превратиться в невидимку. Плечи мальчишки дрожали, голова была прижата к коленям. Весь его вид говорил о настоящем страхе, испытанный при появлении сторожа.

– Ты чего? Глухой? Что тут делаешь? – повторил Аркадий свой вопрос.

– Дяденька, только не бей... – всхлипнул мальчуган.

– Да не буду я тебя бить, – недоумённо пробормотал Аркадий, засовывая обратно за пояс свою дубинку.

– Я здесь нечаяно... – более уверенно сказал пацаненок поднимая из-под колен голову, и готовый в любой момент принять первоначальную позу.

– Это как так нечаянно? – спросил Аркадий, рассматривая лицо мальчугана, но из-за нехватки света это не очень получалось. Поняв по молчанию мальчика, что ответа не дожидаться, Аркадий подошел к нему.

– Ладно, пойдем со мной... – положив руку на плечо мальчишки, продолжил: – Там расскажешь!

Неуверенно паренёк приподнялся, соображая рвануться в бега или нет, но видно, что-то в стороже внушило доверие, и он с осторожностью, пошел вслед за Аркадием.

* * * *

– Ну паря, теперь уж говори, что ты тут делаешь, так поздно? – спросил Аркадий, после того как они зашли в будку и расположились на лавке. При свете двух ламп в потолке Аркадий внимательно стал рассматривать мальчугана. Его курносое лицо было всё в пятнах, как у человека, долго проведенного на ветру и холоде. На голове грязная шерстяная шапка, куртка и брюки на нем висели, то ли от пропитанной грязи, то ли просто, на пару размеров больше а может и от того и другого. Ботинки были истоптаны, подошва на левой ноге висела, как впрочем, и на правой. Весь его вид говорил об отсутствии родителей, плюс рваная сумка в руках, с бренчащими пустыми бутылками.

– Я дяденька только пустые бутылки хотел взять у машины. – Всхлипывая, ответил визитер, уперев взгляд в пол.

– Какие бутылки? – начал было Аркадий, но тут же вспомнил о привычках водителей пить пиво на стоянках, после трудового дня.., все бы ничего, да только больше всего Аркадия выводило их нежелание оттащить эти злополучные пустые бутылки к контейнеру мусорному, стоящему сразу на выходе со стоянки. Видать у водил развито чувство лени, или просто, элементарная невоспитанность дает о себе знать. – Слушай, а как ты пролез? А хотя ясно...

По щедедушному сложению граничащее с дистрофией было понятно, что забор не станет преградой для Мальчугана.

– Ну что, будем звонить в милицию? – скорее сам у себя спросил Аркадий.

– Дяденька, не надо милиции! – жалобно запричитал мальчуган.

– Почему это не надо? Отвезут тебя к родителям, ты ведь наверняка потерялся? – неуверенно спросил Аркадий, уже заранее зная ответ.

– Нету у меня никого, я всегда один!

– А сколько тебе лет то?

– Не знаю.

– Как не знаешь? – удивился Аркадий.

– А вот так, не знаю.

– А день рождения то у тебя когда?

– Тоже не знаю – доброжелательно улыбнулся мальчуган, – но вообще-то я люблю лето, наверно я летом родился...

– Почему? – логика пацана была безупречна, Аркадий улыбнулся.

– Потому что летом все есть, картошечка молоденькая, огурчики, помидорчики... ягоды всякие в садах, лофа короче – ешь от пуза! – в глазах ребёнка засияли искорки от воспоминаний.

– Ндаа!!! – многозначительно выдохнул Аркадий, задумавшись об участии ребёнка.

Настала тишина, каждый обдумывал что-то свое. Мальчуган пристальным взглядом смотрел на старый холодильник «Минск», наслаждаясь теплом исходящим от электрообогревателя. Аркадий смотрел на пол, нервно теребя край своей неснятой еще куртки и улавливая носом запах дыма, исходящий от мальчишки.

– А как звать то тебя? – прервал минутное молчание Аркадий.

– Курнос. – Просто ответил малыш, шмыгнув курносом носом.

– Это что за имя такое, это кличка наверно? – улыбнулся Аркадий.

– Да нет, это зовут меня так.

- Зовут? Нда, и кто это тебя так зовет?
- Пацаны, с которыми я живу.
- Дак ты не один живешь?
- Конечно нет, ха, нас много!
- Много? Как так... и все без родителей?
- Да почему... у некоторых есть родители, такие же бомжи, у других алики...
- Это что за алики такие? – мальчишка все больше и больше удивлял Аркадия.
- Ну, алики, алкаши, пьянь вонючая! – с чувством превосходства ответил Курнос.
- А-а-а! – понимающе акнул Аркадий.
- А есть просто, убежавшие от родителей, ну и конечно такие же, как и я.
- Это какие?
- Ну какие, какие... такие, которые все время живут одни... – видя непонимание на лице

Аркадия, Курнос продолжил: – ...ну нет у нас родителей, сколько себя помню, я всегда был среди пацанов, в колодце.

- В каком еще колодце? – А Аркадий еще думал, что за жизнь свою он многое повидал....
- Ну, живем мы там, в колодце!!!
- Но зимой то там холодно.
- Ха, нет... – заулыбался Курнос, – ...там теплые трубы, у нас там тепло... вот как у вас прям!

– Ааа! Теплотрасса значит у вас... – подытожил Аркадий, опять задумавшись. Чувства были непонятные, смятение прямо какое-то. Живя в нормальной двухкомнатной квартире, получая пенсию и еще этот приработок на стоянке. Аркадий не мог даже и представить жизнь этого малыша без имени, но со странной кличкой, которую Курнос уже воспринимал как собственное имя... без родителей, но которого воспитали такие же оглоеды и улица, без возраста и дня рождения, но почти уверенного, что именины у него летом. Представить себе в 21 веке такое невозможно, учитывая, что сейчас не послевоенное время, разрухи в стране не наблюдается. Судя по виду, лет десять ему было, правда худоба его изрядна молодила.

– Слушай Курнос, чай горячий будешь? – улыбнулся Аркадий, глядя в зеленые глаза ребёнка.

– А можно? – неуверенно спросил Курнос.

– Конечно! Сейчас! – ответил Аркадий, доставая из висящего над столиком ящика, старый электрочайник, – а то я тебя вопросами утомляю, а ты наверно голодный.

Пока Аркадий сутился с приготовлением чая, Курнос в это время стал рыскать в своих больших карманах. И вытащив руку из кармана, выложил на столик две помятые и промокшие конфетки, видно кем-то подаренные, а может и найденные на земле.

« Ну, дела... » – мелькнуло в голове у Аркадия, краем глаза увидев деловые действия мальчишки. И как ни в чем не бывало, продолжил заварку чая.

- Дяденька, вы курите? – тихо, с надеждой в голосе, спросил Курнос.
- Курю, – механически ответил Аркадий, выключая кипятильник из розетки.
- А сигаретки у вас не найдётся?

– Чегооо? Какой сигаретки? – возмутился Аркадий, – подрасти сначала, прежде чем всякую гадость в рот пихать.

Настала минутная тишина. Курнос насупившись, смотрел в пол, а Аркадий разливал заварку из чайника, разводя кипятком. Поставив на столик алюминиевую и пластмассовую кружки с дымящимся чаем, Аркадий достал рафинированный сахар.

– Ну что Курнос? Попьем чайка? – веселым тоном спросил Аркадий, чувствуя обиду мальчика из-за отказанной сигаретки. Присев на край лавки, Аркадий стал наблюдать за Курносом, который с жадностью набросился на пластмассовую кружку с чаем.

– Можно я два кусочка возьму? – спросил Курнос, потянувшись за сахаром и застыв, на какое-то мгновение.

– Бери сколько хочешь! – уверил его Аркадий, улыбнувшись.

– Ну, я тогда возьму три?

– Бери!

Бросив сахар в чай, Курнос стал мешать ложечкой, а после с азартом стал глотать кипяток, обжигая потрескавшиеся губы. Все это время Аркадий печально смотрел на незваного гостя и меланхолично улыбаясь, думал об участи его.

Не прошло и трех минут как Курнос справился с содержимым кружки, а Аркадий даже не приступил к чаепитию. Ложечкой, малец уже соскреб не растаявший сахар в кружке и со вздохом облегчения, откинулся на спинку лавки.

– Может, еще хочешь? – спросил Аркадий.

– А можно?

– Конечно, – ответил Аркадий, двинув по столу свой, не начатый чай, – и ложки сахар, не жалея.

– Спасибо большое дяденька! – поблагодарил Курнос Аркадия, хватая очередную кружку с чаем.

– Да что это я! – спохватился Аркадий, вспомнив про холодильник, – сейчас я достану маслица да хлебушек.

Глаза у Курноса загорелись и рука с чаем застыла на пол дороги. Зачаровано, он уставился на Аркадия, который открыл дверцу холодильника и стал оттуда доставать свой завернутый в фольгу, завтрак. И только в последний момент, Курнос успел отвести взгляд от Аркадия и продолжить, как ни в чём не бывало, пить чай.

– Ну что? Покушаем? – задал вопрос Аркадий, улыбнувшись Курносу.

– Да я сильно-то есть и не хочу... – неуверенно прошептал Курнос, внутренне съежившись от своих же произнесённых слов, и тут же торопясь, добавил: – только разве чуть-чуть.

Курнос нравился Аркадию все больше и больше, его ум и житейская мудрость, учитывавая безграмотность, восхищали. Развернув сверток и выложив содержимое на стол, поближе к пацану, Аркадий сел на прежнее место.

– Не стесняйся, бери и ешь, – тихо, но уверенно выговорил Аркадий.

– Спасибо, я только один съем, – уверил Курнос, беря в руки бутерброд с маслом и сыром. Тихо и с плохо скрываемым наслаждением, он вдохнул терпкий аромат, издав едва слышимый стон, сторож улыбнулся. Не прошло и минуты как последний кусок бутерброда пропал во рту ребёнка.

– Курнос, ты не скромничай, хочешь – бери еще, и ешь, сколько хочешь!

– Ну не знаю... – борьба с совестью продолжалась не долго, и уже второй, а там третий и четвертый бутерброды пропали, в, маленьком ротике Курноса, и лишь после, со вздохом облегчения, он приступил к уже остывшему чаю.

– О-о-ох! – вздохнул радостно Курнос, расслабив плечи и несколько раскинувшись на лавке после проглоченных чая и бутербродов.

– Ну как? Наелся? – радуясь за Курноса, спросил Аркадий.

– Дааа! – простонал сытый парнишка, – спасибо большое дяденька.

– Да ладно уж. – Сконфузился Аркадий.

– Эх, сейчас бы сига... – остановился резко Курнос, вспомнив недавние слова хозяина. Аркадий лишь удивился совсем взрослому поведению.

– Слушай, а ты чего всё дяденька да дяденька? Называй меня просто Аркадий, можно дядя Аркадий... договорились?

– Ага, дядя Аркадий! – ответил Курнос.

– Вот так-то лучше! – удовлетворенно сказал Аркадий, достав сигаретку. Взгляд, брошенный Курносом на пачку сигарет, смутил.

– Ты тут пока посиди мальш, я сейчас курну и приду. Ладно?

– Хорошо, дядя Аркадий.

Хлопнув дверью сторожки, он вышел на улицу, где с облегчением и закурил сигарету. Поскуливая, из собачьей будки, вылез Мухтар и с печальными глазами уставился на хозяина.

– Что Мухтар, голодный? – с сочувствием обратился к собаке Аркадий, делая глубокую затяжку. Тот, услышав свое имя, жалобно пролаял и, помахивая хвостом, уставился на Аркадия.

– Извини Мухтарчик, незванный гость к нам пожаловал.

Мухтар, поняв видно, что ему ничего не перепадет, повизгивая, залез обратно, в будку. Лишь выставленная из отверстия морда собаки, говорила о смутной надежде на кусочек пищи.

– Ничего Мухтар, живы будем – прорвемся! Утром принесу что-нибудь поесть, – сказал сам себе Аркадий, подергивая плечами от промерзлого ветерка.

Искурив сигаретку до жжения пальцев, с осторожностью и неторопливостью, Аркадий потушил окурочок и положил его в карман куртки, к остальным накопленным окуркам. После чего, он зашел обратно в сторожку, поплотнее закрывая за собой дверь.

– Ну что малец... – начал было говорить, но увидев спящего Курноса, Аркадий замолк.

Подойдя к упавшему на скамью парню, подложил под его голову свернутую фуфайку, заменявшую подушку. Тот лишь по-детски заурчал во сне, поворачиваясь на другой бок и устраиваясь поудобней.

– Нда!! Утомился малый... – вздохнул Аркадий.

Ничего не оставалось делать, как сесть на принесенное из дома, старое кресло, устроиться в нём, взять книгу в руки и углубиться в чтение. С возрастом бодрствование становится средством борьбы с неумолимостью времени, и тем приятней было слышать уютное похрапывание ребенка, для которого жизнь только начинается. Одинокие две конфеты продолжали таять на краю стола...

Глава № 1

– Курнос, ты где был? – сразу же был задан вопрос, как только Курнос влез в люк.

– Да так, кое что делал... – попытался уйти от ответа Курнос расстилаясь на старой фуфайке, служившей кроватью и постельным бельем.

Но видно этот ответ не удовлетворил спросившего, так как тут же из темноты вылез обросший, с грязным лицом, мальчишка, старше Курноса года на два, три и выглядевший соответственно несколько поплотней и крепче.

– Курнос, ты это чего... – агрессивно заговорил пацан, – ...ты еще вчера мне должен был принести десять рублей.

– Каряга! Ну ты чего...

Подзатыльник по голове прервал Курноса, тот тут же попытался уползти на корточках в темноту, но пинок в мягкое место не дал возможности ретироваться.

– Ты сука куда полез? – сам себя распаяя, завопил Каряга.

– Каряга, да принес я тебе деньги, – захныкал Курнос, ища за пазухой заначку, – нааа!

Протянутая рука Курноса остудила пыл Каряги, тот удивленно застыл на месте, не зная пропнуть ли еще аль нет.

– Эх, дать бы еще тебе по рылу... – уже более миролюбивым тоном проговорил Каряга, – ...да жалко руки марать.

Курнос со вздохом облегчения полез на свою лежанку, исподтишка поглядывая на считавшего мелочь Карягу.

– Ну не знаю, не знаю, – пробормотал Каряга, подсчитав монеты и уже более громче, добавил: – Курнос, ты ведь понимаешь, за задержку еще рубль причитается...

– Наа! – тут же согласился Курнос, вытаскивая еще одну монетку и протягивая Каряге. С еще большим подозрением, Каряга подошел к Курносу и взял рубль.

– Странно, ты что, клад нашел, а? – острый нос Каряги еще более заострился от недоверия.

– Да нет, у стоянки шофера бухали и бутылки оставили целую кучу. – Частично наврал мальчишка, скрывая правду о добром старичке приютившего на ночь и надовавшего утром, после пробуждения, бутылки. Ещё и накормившего и обогревшего Курноса. Сердце подсказывало, что про это не надо болтать, особенно Каряге.

– И что, так они просто и лежали, ни калдырей, ни бичей не было? – все еще не веря, спросил Каряга, пытаясь высмотреть в потемках лицо Курноса.

– Да отвечаю!!! Просто газетой накрыто было вот никто и не увидел.

– Ладно, – успокоился Каряга, растворяясь в темноте, – но смотри у меня!!!

– Угу... – пробубнил Курнос, чувствуя, что пронесло и, устроившись на фуфайке, попытался уснуть. И только глаза стали слипаться, неожиданно у уха раздался шепот.

– Курнос, а Курнос?

– А-а-а? Кто это? – встрепенулся Курнос, зная уже ответ.

– Да я это... – ответил голос.

– Шмыг... ты гонишь что ли? Ты чего подкрадываешься? – успокоился Курнос, представив себе глупое, вечно шмыгающее лицо Шмыга. Его всегда текущая сопля из носа норовила постоянно капнуть, но натренированный нос в последний момент, ну почти всегда, втягивал ее обратно. Эта его борьба с насморком была очень звонка и красочна и в принципе кличка была неминуема.

– Курнос, извини, – заныл Шмыг, – я думал ты не спишь, ты же только пришел?!

– Индюк тоже думал, да в суп попал! – ворчливо выговорил Курнос, поворачиваясь к Шмыгу, – ну, чего тебе?

– Курнос, а Курнос? Дай мне что-нибудь похавать? – жалобно запричитал Шмыг.

– Ты чего? Не похавал что ли? – удивился Курнос.

– Поел, но чуток, башни мало дали, а сами лопали, суки, – ответил Шмыг, втягивая в носовую пещерку очередного беглеца.

– Как так?

– Да вчера мало мы нарыскали, а еды так совсем мало...

– Ну ладно, сейчас... – пожалел Шмыга Курнос, и достал из-за пазухи кусок батона, утром купленный сердобольным сторожем. Мальчишки были одногодки, но вечно получалось, что Курнос опекал его.

– Спасибо Курнос! – чуть не завопил Шмыг, но вовремя опомнившись, прижал рот рукой.

– Не ори идиот, иначе чайки налетят... – улыбнулся Курнос, протягивая кусок батона Шмыгу. Шмыг, зажав хлеб руками и пряча за воротом куртки, полез наружу, на улицу, понимая, что там никто не увидит, как он пожирает хлеб.

– Зря ты ему дал! – раздался совсем рядом тихий голос Серого, приютившегося где-то рядом.

– Почему? – так же не громко, спросил Курнос.

– Набздел он тебе насчет еды, – иронично ответил Серый, – всем хавчика хватило, и даже тебе оставили немного.

– Ну ладно уж... пусть жрет.

– Курнос, да ты что? Косой еще не приперся... а этот черт, там, в стороне крысятничает... а если попадется?

– Не кипятись, Серый...

– Ты точно с этим дауном доиграешься... жалеть его – дороже выйдет тебе же.

Наступило молчание, каждый задумался о своем. Тихое шуршание крыс и мышей успокаивало нервы детей, ведь это было обыденностью их быта. Где-то вдали загудел локомотив, на местном заводе заступила к работе новая смена. Равномерный гул ближайшей ТЭЦ навеивал странные мысли о жизни этих рабочих. Как они живут? Сколько у них детей? Как развлекаются?

– Серый? Ты любил своих родителей? Ты же должен помнить их?

– Почему? – насторожился Серый.

– Ну как почему? – озадачился Курнос. – Ты ведь недавно у нас появился, я даже помню, говорят, у тебя были родители вроде?

– Курнос? Да что на тебя нашло-то? – заинтересовался Серый.

– Да ни что на меня не нашло... спросить что ли нельзя? – обиделся Курнос, вспоминая доброго ночного сторожа, который что-то расшевелил в сердце своей добротой и сочувствием.

– Да не обижайся Курнос... любил я их очень... – просто ответил Серый, вспоминая отца и мать. Но вот лица их как-то блекли и таяли... в глазах проступили слезы, а в горле появилась горечь... благо, в темноте Курнос его не видел.

– И что?

– И всё!

– Ты ведь и в школу ходил, а Серега? – не унимался Курнос, представив Серого в чистой одежде, в новых ботинках и еще причесанного, как некоторые дети, встречающиеся в городе.

– Ходил... – подтвердил Серый, с ужасающей ясностью вспомнив одноклассников, сидящих за партами и Марию Ивановну, классную учительницу.

Курнос, вполне удовлетворенный немногословным ответом Серого, продолжил:

– А читать научиться легко, а Серый?

– Ну, в общем, с начало тяжело, а потом все же легче и буквы будут сами ложиться...

– Прикольно... Серый, а научи меня читать? – жалостливо спросил Курнос.

– Окей, научу... – немного замялся, но всё же согласился Серый, и тут же добавил: – ...потом!

Опять наступила тишина. Курнос представил себя читающим газету, обязательно в очках и на скамейке. А Серёжа вспомнил ту далекую жизнь, которая когда-то была у него. И маму, такую родную и добрую, будившую по утрам в школу. Как же не хотелось тогда просыпаться...

– Знаешь Курнос, как хорошо было дома? – вздохнув, спросил Серый и тут же, не дождав-шись ответа, продолжил: – Мама так вкусно готовила борщ со сметаной! А пельмени! Настряпает штук сто, и на балконе их заморозит! А блинчики как напечет! И лупишь все это добро от пуза... ээх! А «цыпленок табака»? Ты пробовал когда-нибудь «цыпленка табака»?

– Фу... курицу с табаком? Что это за гавно такое получится? – скривился Курнос, представив цыпленка, посыпанного табаком.

– Дурак ты Курнос... это курица запечённая, с вкусной корочкой, пропитанной там чесноком, перцем, чем-то еще...

– Сам дурак, а где тогда табак?

– Нет там табака, просто называется так...

– А чеснок я люблю... – представил картину, Курнос, – ...а «запеченный», это как? Как картоху что-ли, на углях?

– Ну, почти, но не на углях... – ответил Серый, соображая как объяснить про духовку человеку, не видевшего её ни разу.

– Да ну тебя Серый, про еду, да про еду, – глотая слюни, прервал Курнос слова Серого, – пойду за долей своей, раздражил только на хавчик.

– Ну, давай, давай, – воспоминания все еще стояли перед глазами Серого, и даже аромат яств фантомно чувствовал носом...

Глава № 2

– Ах ты блядь! – раздался у люка басистый голос, и тут же явно слышимый шлепок. – Залезай внутрь падла!!!

С плачем в колодец влез Шмыг, прикрывая ладонью глаз. Следом рослый парень, на голову, а то и две, выше Шмыга. Его фигура возвышалась над тщедушной фигурой Шмыга, который тут же попытался отползти в спасительную темноту туннеля.

– Куда тварь??? – остановил «башня» за шиворот Шмыга и резким движением подтянул того к себе, – а ну салаги – свет!

В потемках по мановению возникло суетливое движение теней, и через мгновение чиркнули спички и загорелись свечи, освещая помещение. Трубы, идущие по низу туннеля, резко бросались в глаза, создавая постапокалиптический вид, но из-за разложенных, тут и там, фуфаяк и циновок, служивших постелями, вид смягчался, неся какой ни какой уют и быт. Под открытым люком, служащий входом в колодец, чернели угли, на которых готовили пищу мальчишки.

– Ну что пацаны? Вы тут спите, а Шмыг в это время крысятничает! – заговорил «башня», толкая вперед провинившегося. Высокий рост «башни» не давал стоять свободно в туннеле, своды которого были маловаты для него. – Так что будем наказывать!

И закрепляя свои слова, парень со всего размаха, резко пнул левой ногой Шмыга. Тот, пролетел от сильнейшего удара к кирпичной стене, и, издав писклявый стон, растелился на чьей то валявшей фуфайке.

– Косой? Блять Ты чего творишь?? – раздался хриплый голос и один из лежащих на циновке парней приподнялся и стал подходить к месту действия.

– Баян, ты чего? – возмутился Косой.

– Чего, чего... ты объясни с начало что произошло, а потом уж руки распускай! – голос у Баяна был уверенный и сильный, да и телосложение у него было сбитое и мускулистое, хотя рост был на пол головы меньше чем у Косого. И глаза у Баяна были холоднее и жестче. Недаром в этой компании мальчишек, он считался авторитетом даже выше чем у Косого, одногодки Баяна.

– Короче, подхожу значит я к нашей хате и вижу... этот сука... – указывая для убедительности пинком по задку Шмыга, продолжил: – ...стоит падла, жрет хлеб втихаря, от всех... и еще сука оглядывается по сторонам как крыса. Ух... убил бы!!!

– В чем дело??? – возмутился Баян, глядя на подымающегося после пинка Шмыга, – ты что тварина не ел? Или у тебя забрали хавчик?

– Да, да! – поддакнул Косой, замахнувшись кулаком на Шмыга.

– Хоре Косой! Пусть скажет! – остановил Косого Баян, зло смотря на Шмыга.

– Да не наелся я, – всхлипывая, заныл Шмыг, – тарелку с кашей уронил на землю...

– А хлеб спер, тварина, пока все спали? Скрысятничал у своих же?

– Да, нет!!! – не выдержал давления Шмыг, вытирая сопли и трусливо кинув взгляд на Курноса, продолжил: – Курнос мне дал...

Под рыдания Шмыга все повернулись к Курносу и уставились на него. Воцарилась зловещая тишина. Ну вот, приехали... не отвертеться – мелькнуло в голове Курноса.

– Ну да, дал я этому псу хлеб, купил на свои денежки заработанные и отдал ему! Пусть, сука жрет!!! – не выдержал Курнос. Злой взгляд, на Шмыга не действовал, тот лишь отвёл глаза в сторону.

– Курнос! Ты же знаешь правила! – Баян закипал, – почему на общак не положил... уж от тебя я такого не ожидал...

– Баян, да не успел я положить. Я ж недавно только пришел, а все спали... – стал оправдываться Курнос.

– Откуда это ты пришел? – насторожился Баян, не обращая внимания на проползающего у ног, Шмыга. – Тебя ведь вроде с вчерашнего дня где то носит?

– Да вот и я его спрашиваю: Ты где был? – выступил вперед Каряга, пытаясь подкинуть дров, – я смотрю значит он пролез... улегся, я ему говорю давай долг... а он взял да дал... да еще и с процентом...

– Каряга, ради бога, не лезь! Пусть сам расскажет! – прервал Карягу Баян, не отводя взгляда от виновника. Курносу пришлось в очередной раз выложить свою выдуманную историю. Этот рассказ не вполне удовлетворил Баяна, но дальше расспрашивать не было смысла.

– Ну что, Курнос, правила знаешь? Давай вытряхивай карманы! – упёр руки в бока, Баян.

Тот, обреченно вздохнув, беспрекословно стал выворачивать карманы. Посыпалась мелочь, упал складной сломанный ножичек, наполовину выкуренные две сигаретки, подобранные где то на улице, спички – немного промокшие, хлебные крошки и опять же, злополучные две расплывшиеся конфетки...

– Это все? – спросил Баян.

– Да.

– Шмонать не буду, но смотри у меня если нае...л! – пригрозил Баян.

– Двадцать три рубля и сорок копеек! – подытожил Каряга, уже успевший поднять и подсчитать всю мелочь.

– Двадцатку я положу в общак! – громко выговорил Баян, – остальное, забирай!

– Все пацаны! Концерт окончен и всем спать! – стал разгонять мальчишек Косой на правах второго человека и при этом поглядывая на Баяна. Увидев, что Баян повернулся и пошел к своему закутку, Косой не долго думая подошел к Каряге, вытянув ладонь. Каряга хотел отчитать двадцатку, но Косой забрал всю мелочь, общаком заведовал Косой. Курносу оставалось лишь зло наблюдать за потерей всех денег и собирать оставшиеся ценности с пола, после чего мальчишка полез на свой топчак.

– Я же тебе говорил, – услышал рядом с собой шёпот Серого после того, как свечи затушили.

– Да заткнись ты! – не остыл еще Курнос, и, повернувшись в противоположную сторону от Серого, закрыл глаза.

Глава № 3

Румяное и доброе лицо женщины смотрело на Курноса. Голубые глаза были прищурены и излучали ласку и нежность.

– Что сынуля? Хочешь сегодня «цыпленка табака» приготовлю? – спросила женщина, поглаживая ладонью Курноса по русым волосам.

– Мама... ты где была??? – навзрыд заплакал Курнос, уткнувшись в мягкие груди, – я был совсем один... ты зачем меня оставила?

– Успокойся Егорушка... ты же взрослый уже... зачем плачешь! – стала успокаивать сына мать, по ее щекам так же бежали слезы. – Так надо было сынуля... но теперь я с тобой...

Ее голос был родным и приятным, сердце разрывала боль от нахлынувших чувств, и Курнос еще громче заплакал, измазывая халат мамин слезами.

– Все хорошо милый... все хорошо! – обнимала она мальчишку, похлопывая его по спине. Воспоминания, дремавшие глубоко в голове Курноса, нахлынули в мельчайших подробностях. Даже родинка на щеке матери вспомнилась...

... И неожиданно мама оттолкнула Курноса от себя, с ненавистью посмотрела на сына, и, засунув два пальца в рот, начала пронзительно свистеть.

Свист продолжался даже после того, как Курнос открыл глаза. Сон как эфемерное привидение растворялось в сознании мальчика. Еще пару раз моргнув, сон забылся, оставив после себя сладостную горечь и легкую боль в сердце. Курнос приподнялся над лежаком и с удивлением стал вытирать проступившие во сне слезы.

Лучи встающего солнца пробивались через люк, сквозь завесу дыма, идущего от раззаженного огня. Над огнем стоял Зайка и пронзительно свистел, пробуждая пацанов, и оповещая одновременно о готовности пищи. Кастрюля с кашей дымясь, стояла в ногах, а рядом на газете лежали ломти нарезанного хлеба.

– Все, Зайка!!! Заткнись! – прокричал сонный голос Баяна из угла старшиков.

– У-ууух! Хорошо! – раздался довольный голос, и струя воды заплескалась со стороны «ванны» – так называли работающий пожарный кран, находящийся в глубине туннеля. Чей это был голос, можно было догадаться, так как только один из всей компании умывался по утрам, по домашней привычке. Это был Серый. Он даже покупал иногда для этих целей хозяйственное мыло, чаще воровал на стройках у рабочих.

Потихоньку, к кастрюле стали подходить парнишки со своими тарелками. С важным видом Зайка половником накладывал им кашу, и те, прихватив свой причитающий ломоть хлеба, удалялись на свои лежанки. Каша хорошо была сдобрена, для сытости и жирности, подсолнечным маслом, сильно пахнущим семечками. Лишь старики, они же «башни», усаживались, у полукругом сколоченного, из досок, импровизированного стола, а стулья заменяли деревянные ящики. И естественно «башни» достали банку тушенки и поставили ее в центр стола, прекрасная добавка к рациону мальчишек, но, увы, не для всех.

– Ууу, суки! – завистливо и злобно пробормотал Шмыг, усаживаясь рядом с Курносом, – извини Курнос за вчерашнее... тебе ведь все равно ничего не будет, тебя не гоняет Баян с Косым как меня.

– Да ладно уж, не парься! – спокойно сказал Курнос, чувствуя, что вчерашняя злоба на Шмыга, пропала. Воцарилась минутная тишина, каждый молча уплетал свою порцию каши.

– Знаешь, – прервал молчание Шмыг, – у меня со вчерашнего осталось три рубля, хочешь я их тебе отдам?

– Слушай, Шмыг, жри спокойно! – почувствовал опять закипающую злость, Курнос, – отвали!

– Да ладно, что ты кипятишься? Я же как лучше!

– «Как лучше»... – передразнил Шмыга, Курнос.

Сидевший, по соседству и поедавший свою порцию Серый, задумчиво смотрел на Курноса, и о чем-то думал. После того как последнее содержимое тарелки было поглощено, Серый обратился к Курносу:

– Слышь Курнос, айда сегодня со мной на базар, пошманаем?

– Пошли! – механически ответил Курнос, обтирая хлебом остатки каши на тарелке.

– Пацаны, возьмите меня тоже... ну пожалуйста!! – жалобно посмотрел на мальчишек, Шмыг.

– На фиг ты нам нужен? – просто ответил Курнос.

– Ну возьмите... я все сделаю что скажите... – захныкал Шмыг, с ужасающим всхлипом вытягивая потекшую жидкость из носа, нацеленную было упасть в тарелку.

– Слушай чмырик! Вали ка с моей фуфайки подальше! – Курнос отпихнул плечом со своего топчана, Шмыга, – аппетит людям портишь тут тошнотворик!

– Да ладно вам... я ведь просто болею... – обиделся Шмыг, но все же встав со своей тарелкой, пошел в своему месту.

– Как он надоел... – пожаловался Серому, Курнос.

– Да не обращай внимания, – успокоил Серый, – просто такой он человек, нудный.

– Это как так «нудный»?

– «Нудный», ну значит надоедливый, – ответил Серый.

– Это точно... – пробормотал Курнос, примеряя новое слово, – «нудный»... ну-ну...

Наконец с едой было покончено, и мальчишки начали суетиться, собираясь на промысел, в город. Шмыг все же напросился в команду к трем мальчишкам, во главе с Косым, который был способен зарабатывать только одним способом. А именно, более младших мальчуганов «толкать на тротуар», то есть заставлять их в общественных местах просить милостыню. Сердобольные граждане, видя худых и маленьких детей нет, нет, а кидали им в ладони рублики... еда тоже принималась на ура. Ну, правда, иногда, нагоняй тоже можно было получить, но это мелочи жизни. Сам Косой во время «работы» мальчишек находился поблизости, контролируя их.

Ну, а первая команда, которая вылезла на «работу» из колодца во главе с Карягой, состояла из Милки и собственно самого Каряги. Вид деятельности ими был отработан уже давно, и доход они приносили в «общак», один из самых ощутимых. Милка была единственной девочкой в этой «банде», и выбор деятельности был не большой. Каряга предлагал проходим «минет» от смазливой девочки. Смазливой она была конечно с большим натягом, учитывая ее удобу и большой нос, торчащий между зелеными глазами с отсутствующими ресницами. Но клиенты в принципе были довольны, и сама Милка получала какое-то мазохическое удовольствие, хотя возраста она была пятнадцатилетнего, видно сдвиг был в мозгах небольшой.

Баян, с еще двумя «башнями», в это время достали две бутылочки аптекарской перцовки и разводили их водой. Они всегда уходили последними по сложившей уже традиции. Их промысел начинался после обеда, а самый пик приходился на вечернее время. Бизнес у них был «элитный», уважаемый в некоторых кругах. Стибрить и сделать ноги, а если не получится своровать, то отобрать. Благо на улице было много «лохов», иногда и силу применить не возбранялось, правда, бывало, лохи давали и отпор. Очень часто «башни» приходили битые, с синяками. Но все же чаще лошки от страха сами выворачивали карманы, главное в выборе «клиента», чтобы они были слабее и без компании, и желательно, подальше от многолюдных мест.

Курнос с Серым, прихватив с собой сумки, вылезли из колодца. Серега достал две сигаретки из-за пазухи куртки и протянул одну Курносу. Оба, с удовольствием прикурили от зажженной спички и синхронно затянули едкий дым в легкие.

– Клёво!!! – пробормотал Курнос, щурясь от удовольствия и колючего дымка, разъедающего глаза.

Они стояли в трех метрах от колодца и смотрели на торчащие трубы, в полоску, завода, находящегося от их убежища метрах в трехстах. Высокий забор прикрывал обзор территории завода, но в принципе, мальчишки знали что там, за стенами. Не раз они лазили туда, на «ЗОНУ», так сами пацаны называли завод.

– Что засранцы! Вы еще не свалили? – выговорил Баян чуть заплетающим голосом, появившийся в этот момент из колодца. За ним вылезли другие «старички», не отличавшиеся от Баяна устойчивостью. В «доме» остался лишь один Заяц, за ним было хозяйство и кухня. Зайца это устраивало, никуда он не просился и не напрашивался. Малец занимался своими бытовыми делами, его это устраивало, других тоже, и никто не лез к нему. Долю кормежки свою он получал, как полноправный член этой маленькой банды.

– Чтоб через минуту я вас не видел!! – промычал Баян.

– Да сваливаем... уже! – успокоил Баяна Серый, и уже обращаясь к Курносу, добавил: – Поперлись!

Старушка, одетая в обшарпанное пальто, сидела на ящике и предлагала прохожим купить «лучшие жареные семечки на этом базаре». Рядом сидящая женщина, так же продававшая семечки, умеренно, но постоянно высыпала в кульки покупателям в отличие от старушки. Та, злобные кидала взгляды на свою конкурентку. Особенно её раздражали вежливость и улыбка женщины каждому покупателю.

– Спасибо милые! Покупайте еще! Вы очень красиво смотрите! – поблагодарила женщина молодую пару, протягивая очередной кулек семян. Молодой человек, улыбаясь, протянул мелочь женщине и высыпал ей в ладонь. Обнимаясь, парочка растворилась в толпе снующих покупателей. Тут же появились, невесть откуда взявшиеся, двое мальчишек. По их потрепанному виду, женщина сразу их узнала.

– Ой, Сереженька... сегодня у нас будете? – обратилась она к Серому.

– Да, тетя Флора, – ответил Серега, протягивая руку к мешку с товаром.

– Я тебе!!! – ударила не сильно по руке продавщица, – суешь свои руки грязные с бактериями.

– Но тетя Флора, чистые они... – стал оправдываться Серый, показывая женщине ладони.

– Знаю, знаю, какие они чистые, – ворчливо пробормотала тетя Флора, набирая стаканом семечки, – держите охламоны, лузгайте.

Отсыпав в протянутые ладони мальчишек семечки, по пол стакану каждому, тетя Флора добродушно улыбнулась.

– Сереженька, ты если услышишь про шмон ментов, прибеги сюда, предупреди уж нас?

– Тетя Флора, ну конечно! – успокоил Серый женщину, с важным видом выплевывая шелуху.

– Флорка! Ты чего этих спиногрызов приучаешь? – не выдержала это панибратство мальчишек, старушка, зло зыря на пацанят, – потом они же тебя ограбят в подворотне...

– Марья Ивановна! Ну что вы, в самом деле? Это же просто дети...

– Знаю я этих детей... – дальнейший монолог мальчишки не услышали, так как ушли на достаточное расстояние.

– Змея! – выпалил Курнос Серому.

– Кто? Ивановна? – удивился Серый.

– Ну да, она... взгляд – как у ведьмы!

– Ааа, не обращай внимания на нее. Она всегда такая, ты главное с ней никогда не имей дело. Ты ее не трогаешь, она тебя не трогает...

– Смотри Серый, айзеры пиво пьют! – прервал Серого Курнос, увидев двух допивающих пиво кавказцев, стоящих за прилавком с апельсинами и другими фруктами. – Пойдем, выпросим что ли?

– Погнали! – согласился Серега, засыпая семечки в карман.

И когда уже до кавказцев оставалось метров тридцать, наперерез, из-за угла выскочила женщина, с большой сумкой в полоску.

– Вот, бляха муха! – выругался Серый, ускоряя шаг.

Женщина была не «свежая», и по одутловатому, опухшему лицу пропойцы, можно было догадаться, что в этом состоянии она находилось уже очень продолжительное время. Грязная куртка и порванные зимние колготки, подчеркивали ее финансовое положение. Но, не смотря на все это, реакция у нее была отменная, а зрение острое. Увидев двоих мелких конкурентов, она ускорила шаг.

– Вот стерва! – пробормотал Курнос, понимая, что им не опередить.

– Да... ну и ладно! Черт с ней! – остановился Серый, – не успели!

Женщина, довольная своей мелкой удачей, остановилась у прилавка.

– Мужчины! Оставьте даме бутылочки! – хриплым, прокуренным голосом, и не без кокетства, просипела мадам.

Те с брезгливостью протянули пустые уже бутылки, не прерывая свой разговор на родном, каркающем языке.

– Спасибо, мальчики! – поблагодарила женщина, с торжеством посмотрев на Серого и Курноса.

– Уууу, алкашка! – выдавил со злобой Курнос, и, не выдержав, состроил ей рожу.

– Ах вы сукины дети! – ошетибилась женщина, и замахнулась на парнишек сумкой в попытке их достать.

Те лишь с веселым визгом отбежали от неё подальше и остановились. Курнос, довольный реакцией женщины, решил ее подзадорить и, нагнувшись задним местом в сторону мадам, хлопнул рукой по своей половине ягодиц.

– Бе-е-е!!! – козлодоем забекал Курнос.

– Ах ты собака! – завизжала уязвленная мадам. Двое кавказцев, хохоча над картиной, подзадоривали Курноса. Пытаясь не уронить собственное достоинство, женщина попыталась догнать мальчугана. Тот с ловкостью обезьяны стал маневрировать между прохожими, не давая возможность до себя дотянуться. Поняв безнадежность поимки мальчишки, женщина остановилась и гордо, чуть пошатываясь, отвернулась от ловкого Курноса. Пройдя несколько шагов, всем видом показывая свое уязвленное «достоинство», женщина вздохнула, не замечая подкрадывающего хулигана. Тот так просто не хотел всё оставить, и со смачным шлепком, пнул по заду женщины.

Она с визгом, резко повернулась, пытаясь поймать за шиворот мелкого. Курнос хохоча, выкрутился из рук, и издавая хрюкающие звуки, припустился от дамочки. Догнать мальчугана не было возможности, и женщина опустила руки с сумкой. Со слезами на глазах от беспомощности и позора, она побрела по своим неотложным делам, ускоряя шаг, по дороге, отводя взгляд от назойливых и любопытных глаз прохожих, привлечённых бесплатным аттракционом: «пни меня».

– Ха-ха!! Как я её? – с гордостью похвалился Курнос, подходя к стоящему в стороне невеселому Сергею.

– Ты крут!!! – пробормотал иронично Серый, у которого после этой сцены остался горький привкус. – Калдырьку опустил...

– Да ладно тебе! Такую пьянь подзаборную ещё жалеть... так им алканавтам и надо!

– Курнос? А тебе не кажется, что через лет десять мы такие же будем? – ужаснулся собственной мысли, Серый.

– Ну уж... скажешь тоже... – уверенность куда то пропала, и уже стал жалеть о содеянном Курнос, – всё равно она сучка... пойдем лучше покурим.

– Пойдем! – Согласился Серый, машинально доставая пачку «Примы» без фильтра и протягивая ее Курносу. Не стесняясь людей, мальчишки прикурили, останавливаясь у конца товарных рядов.

– ЭЭх мальчики! Не стыдно вам при людях, в таком возрасте курить? – укоризненно качая головой, появилась не весть, откуда появившаяся бабушка, держа в руках пакет, опять же, с пустыми бутылками. Здоровая конкуренция на этом базаре процветала. – Когда я была в вашем возрасте, даже помыслить не могла о таком, в наше время родители нам спуску не давали, и при этом воспитанность и интеллектность прививалась с молоком!

– Ха, интелгенция... а бутылочки так же собираете! – прервал, с желчью в голосе, нравоучение Серый, выдыхая колючий дым и сплевывая под ноги, – видать чему-то не тому вас учили родители...

– Да как ты смеешь! – очки с носа, от возмущения съехали, и не находя слов от обиды, бабушка закудаhtала, в попытке выдавить из себя что-нибудь членораздельное, – недоносок... я сорок лет вас... учила... и на старости... мрази...

Мальчишки быстро выплюнули сигаретки, и с удивлением, от греха подальше, отбежали в сторону от разъяренной старушки, махающей руками.

– Ух сучары поганые!!!

– Во, ни хрена себе! – выдал из себя Курнос, после того, как остановились на безопасном расстоянии.

– Вооше припадошная... а с виду такая мирная бабуля... – согласился Серый, почесывая голову.

Так и начался их трудовой день на этом торговом, ярмарочном поприще. Народ сновал по базару, прикупаясь понемногу. Ажиотаж и суета – первый друг для заработка беспризорников, так уж повелось испокон веков в матушке Россеюшки и ничего не менялось на протяжении веков...

Глава № 5

Прохладное утро заставляло торговцев кутаться в плащи и подогреться, под прилавком, водочкой. Самые бойкие, выбивая чечетку, пританцовывали, выдыхая клубы пара. Молодые продавщицы хихикали над шутками покупателей мужского пола, а вдруг среди них мог оказаться принц, надежда всегда была, есть и собственно будет.

Курнос и Серый рыскали среди этой базарной суеты, собирая пустые бутылки, картон, бумагу, пустые жестяные баночки от пива или газировки. Все, что можно было сдать на «вторичку», находящуюся в конце базара, собиралось и обменивалось на деньги. Пару раз им удалось вытащить из пакетов у женщин кошельки, на поверку оказавшиеся косметичками с дешевой косметикой, при ближайшем рассмотрении. Ближе к обеду удача мальчишкам прилетела в виде подвыпившего толстенького мужичка, с торчащей барсеткой из кармана. А дальше дело техники, ловкость рук и отвлечений, и барсетка была в руках пацанят. Правда денег оказалось там не много, но все же пара сотенных перекочевали в карманы к мальчишкам, а барсетка с документами оказалась на бордюре, на видном месте.

Наконец день набрал обороты, температура поднялась до пятнадцати градусов тепла. Мрачность начавшего дня уступило веселому проступившему солнцу. Все больше и больше мужичков попивали пивко, поставляя пустые бутылки и банки мальчишкам, а те всё чаще и чаще навещать «вторичку» для сдачи вторсырья. В общем, еще за пару часов и Серый с Курносом нахалтурили двойную норму дня. А если еще посчитать бесплатный обед от Карима за сношенные, от газели к прилавку, ящики, то день можно зачесть как «стахановский». В связи с чем, мальчишки решили поразвлечься до конца дня в городе.

– Тетя Света! Две пачки «примы» дай. – Важно выговорил в оконце Серый, подойдя к ларьку «Табак», за ним, оглядываясь по сторонам, стоял Курнос.

– Сережка! Ах ты наглец! В лоб что-ли хочешь? – раздался голос продавщицы, – тебе сколько раз говорили, тихонько и незаметно!

– Да ладно тетя Света, никого же рядом нет... – важность пропала без следа, а просительные нотки, и даже заискивающие, проступили.

– Смотри у меня, когда-нибудь выйду и ремня тебе надаю... – все же собрала продавщица мелочь с блюдечка, и после чего протянула Серому сигареты, завернутые в газету для конспирации.

– Спасибо, тетя Света!

– Что-то рано вы сегодня закругляетесь...

– Да, надоело! – махнул рукой Сергей, – по городу прошвырнёмся!

– Ну, это понятно, дело то молодое, давайте до встречи, мальчишки!

Мальчишки махнули прощально тете Свете и потянулись к выходу из базара.

– Опаа, хлопцы! Вы это куда? – услышали за спиной мужской голос.

– Блин... – простонал шепотом Серый, поворачиваясь к голосу.

– Что? Хотели улизнуть? – перед ними стоял мужичек лет тридцати пяти в патрульно-постовой форме и погонами сержанта. На поясе у него висела противно трещащая рация. Его довольную улыбку подчеркивали золотые коронки, сверкающие на солнце. Он был слишком известен на этом базаре, так что о бегстве нельзя было и помыслить.

– Начальник! Как вы могли подумать о нас так? – притворно улыбнулся Сергей, искренне смотря своими зелеными глазами на сержанта. – Мы как раз хотели найти вас...

– Знаю я вас засранцев! – прервал сержант Серого, позевывая от скуки и сытого обеда, – ваш Баянчик уже сваливал пару раз с базара после своих дел... Вы, поцики, такие молодцы нафиг... я такие усилия прилагаю, что бы вас прикрывать... а вы так плохо поступаете...

Прервал свою речь страж закона, о чем-то задумавшись и приложив указательный палец в знак молчания. Мысль его, дойдя до какой-то извилины в голове, вырвалась смачной отрыжкой и легким алкогольным перегаром изо рта. После чего сержант продолжил не без удовольствия, все же иногда важность греет душу:

– Так что, поцики, взнос надо платить, работая на этом базаре...

– Закон есть закон, дядь Жор! – согласился Серый, потянувшись в свой карман.

– Э-э-э-э-э! – приостановил порыв Серого сержант, пальцем маня за собой, – а друг пока твой пусть в стороне постоит.

Отойдя за ларек, от лишних любопытных глаз, сделка была проведена быстро и отработано, и сторублевка переключалась в карман сержанту.

– Ладно, парни, молодцы! – заговорил страж порядка выходя из угла ларька с Серогой. – Но Баяну там у себя передайте, что Жора ждет две сотни за прошлые разы, иначе Жора ему жития не даст!

– Передадим, дядь Жор! – уверил Серый сержанта, подтягивая за рукав Курноса, в сторону.

– Дуйте, дуйте! – пробубнил удаляющим мальчишкам Жора, смотря по сторонам в поисках новой жертвы.

– Бляха муха, пронесло! – вымолвил облегченно Курнос, после того, как вышли за ворота базара, – сколько ты ему дал Серый?

– Соточку, – безрадостно ответил Серый, закуривая сигарету.

– Жалко... и сколько осталось у нас?

– Три сотни есть, с хвостиком!

– А себе сколько оставим? – не унимался Курнос.

– Две сотки Баяну, ну а соточку с хвостиком, нам погулять! – выдохнул, по-взрослому через ноздри, дым Серый.

– Прикольно! – подытожил Курнос, уже представляя, чтобы купить на эти «разгульные» деньги. – Серега! Может мороженное?

– Базар тебе нужен! – согласился Серый, сплевывая в ноги.

* * * * *

– Клёва! – проорчал Курнос, проглатывая изрядный кусок пломбира и чувствуя приятную прохладу в желудке.

– Дааа! – согласился Серый, поймав языком падающую каплю тающего лакомства.

Мальчуганы, развалившись на скамейке, уплетали мороженное. Мимо сновали прохожие, бросая на оборванных и грязных пацанов презрительные и осуждающие взгляды. Радостное поведение оборванцев смущало людей, а некоторых даже раздражало.

– Всю жизнь бы вот так сидел и жрал бы мороженки, – мечтательно изрек Курнос, ладонью втирая каплю лакомства в штанину. День становился все теплее, и холодный десерт таял на глазах.

– Это точно! – вымолвил Серый, шурясь от удовольствия.

– Привет мальчики! – услышали они за спиной хрипловато-басистый голос. Повернувшись, те увидели бомжа. Грязная и сальная борода, торчала в разные стороны. Брови были густоты непомерной и закрывали даже глаза, с тем же успехом он мог закрыть веки, никто бы не понял.

– Привет дядя Вова, – поздоровался Серый и проглотил последний кусок вафли с пломбиром.

– Как у вас дела? Не голодные вы? – поинтересовался бомж, выхаркивая коричневую жижу.

– Нормально, от голоду не страдаем, дядя Вов.

– Это хорошо! Ну а как там мой Константин? – неуверенно спросил дядя Вова.

– И с ним все нормально! – уверил Серый, не меняя раскованную и чуть нагловатую позу.

– Не болеет мой мальчик?..

– Здоровый он дядя Вова, здоровый! – резко ответил Серый, теряя терпение.

– Что-то давно я его не видел в этих местах, как бы с ним что не случилось...

– Слушай, дядя Вов! – не по-детски взрослым тоном прервал бомж, Серый, – валил бы ты отсель... а то спохватился нафиг... раньше надо было думать!

– Сережка, прости меня... он же сын все-таки мой... ооох... – всхлипывая, и тихо постанывая, повернулся от мальчишек дядя Вова, и заплетающим шагом поплелся по своим делам.

– Кто это был? – спросил Курнос Серого, – я его и раньше на базаре видел.

– Да так, папенька Каряги... – уклончиво ответил Серый.

– Каряги? Ни хрена себе! – удивился Курнос, – я и не думал, что у него есть имя, да еще и отец.

– У всех есть имена, и тем более отцы! – многозначительно изрёк Серый.

– Но ведь у меня имени нет, у Шмыга нет, у Зайки тоже нет... вроде...

– У всех есть, в крайнем случае были, имена, вы их просто не помните.

– Странно... – задумался Курнос, – ...а зря ты его так....

– Зря, зря... уж ты бы помолчал! – взъерошился Серый, – ну вот что ему не жилось? Продав квартиру и все остальное, и все ради водки. Сын вместе с ним на улицу ушел жить. Этот пьет, а тот ворует, чтобы не сдохнуть с голоду. Ладно хоть законники забрали от отца сына, в детдом отправили, правда, он потом сбежал и к нам приبلудился.... А ты говоришь «зря»....

– Чё ты завелся в самом деле...

– Ты же сам видишь, какой он... – не успокаивался Серый, – ...если бы мои родители не умерли, разве я б с тобой сейчас тут был? Разве они бы до такой жизни дошли?

– До какой такой? – не понял Курнос.

– А вот до этой! – махнул руками по сторонам Серый, – живем в колодце... крысы бегают по нам ночью, жрем что попало!

– Ну, не знаю... по мне так мы еще ничего так живем. Я вот был на свалке городской у бичей, так они вообще...

– Всё! Достал! Не хочу слышать! – прервал Серый, отодвигаясь подальше от Курноса. Тот, тоже насупив брови и уперевшись локтями в колени, упёрся взглядом в асфальт. Возникло неловкое молчание. Чувствуя свою вину, по отношению к Курносу, Серый заигрывающе, разлегся на лавке и с улыбкой стал бросать взгляды на Курноса.

– Ну? Чё? Весело? – обиженно спросил Курнос.

– Да так, ничего! – ответил Серый, шутливо пнув ногой Курноса.

– Ты чего? – с раздражением удивился Курнос, демонстративно отряхивая не видимую грязь, на чумазой и старой куртке.

– Ой, замарался бедненький, – засмеялся Серый, опять ткнув носком ботинка по Курносу.

– Ты вообще обнаглел!!!! – возмутился Курнос и яростно бросился на Серого.

Мальчишки стали бороться на скамейке. Серега ухохатывался, уворачиваясь от попыток захвата Курноса, сказывалась двухлетняя разница в возрасте. Аккуратно, пытаясь не причинить боль, Серый вывернулся из под Курноса и с ловкостью водрузился на груди младшего мальчишки.

– Уух, волчонок! – добродушно выдохнул Серега, пальцами потерев курносый нос Курноса, заставив того чихнуть, – ну что? Мир?

– Хер! – ответил Курнос, пытаясь спихнуть с себя Сергея, – ууу, жлобина!

– Успокойся, – миролюбиво пробормотал Серый, не отпуская Курноса из под захвата.

– Все! Сдаюсь! – сдался Курнос, перестав брыкаться.

– То-то же! – удовлетворенно сказал Серый, слезая с Курноса.

– Я б тебе намял бока... да только жалко тебя! – отряхиваясь, выговорил Курнос.

– Ясень пень! Кто бы сомневался!

Глава № 6

Единственный парк в этом районе города, представлял собой обширный оазис природы, окружённый со всех сторон домами и разбитыми дорогами, а когда ветер дул с юга, то нес выбросы завода, расположенного в километре. Без этого парка, люди бы жили в желтом или черном тумане, с увеличенной смертностью от онкологии. И естественно, парк любили все жители района. Даже администрация заботилась, чтобы сохранить этот кусочек чистоты. Были проложены асфальтные тропы и велодорожки, тут и там раскиданы вдоль троп скамейки да лавочки.

Молодые парочки любили в тени деревьев прохладиться, наслаждаясь условно чистым воздухом. Так же изредка, в кустах или на скамьях, мирно посапывали пьяные металлурги, шедшие с работы и «уставшие» по пути. Доблестная полиция собирала работников, патрулируя территорию оазиса, бичи и бомжи не интересовали защитников правопорядка. Мамочки с папочками выгуливали своих ненаглядных деток, показывая им деревянных мишек, стоящих, в рост человеческий, и потрескавшихся от времени, среди берез. Иногда вспышки от фотоаппаратов или «сотовых» нарушали гармонию световой палитры, искусство селфи набирало свои обороты, ведь эти мишки были такие «милые»...

Курнос с Серым сидели на скамье в парке, блаженно отдыхая после своего «трудового» дня. Гуляющие горожане привлекали внимание мальчишек, особенно празднично шатающиеся, но пока особо расслабленные не попадались.

– Серый! – толкнул друга Курнос, – смотри, Каряга с Милкой шныряют.

Каряга с Милкой шли по дорожке. Усталые глаза Милки смотрели в асфальт, и чисто машинально, она плелась за Карягой. Тот наоборот, бодрой походкой вышагивал вперед, попивая из баночки пиво. Проходя мимо мальчишек, Каряга бросил взгляд на скамейку и, узнав их, махнул рукой.

– А салаги, здорова!

– Здравей видали. – Ответил Серега.

Каряга присел к мальчишкам на скамейку, этому примеру последовала и Милка.

– Фууу! Устал! – выдохнул Каряга и, сделав большой глоток из баночки, откинулся назад.

– Слыхали? Устал бедненький. – Милка горько усмехнулась и глянула на Серегу с Курносом, и тут же получила оплеуху, по затылку.

- Заткнись дура! Думаешь легко искать клиентуру на такое рыло, как твое...
- Ты на себя посмотри, урод! – обиженно огрызнулась Милка, пересаживаясь от Каряги, на дальнюю сторону скамьи, – козел!!!
- Заткнись сука! Щас мордой по асфальту проедешь!
- Только попробуй тварина, сам будешь сосать тухлые члены своих клиентиков...
- Ну, все! Достала...
- Да ладно вам трепаться, завелись как дети, – попытался разрядить обстановку, Серый.
- Ты же сам слышал...
- Ну и что?
- Как что?... – неуверенно пробормотал Каряга, продолжая попивать пиво, – за такое убить можно!
- Ну уж, убить... скажешь тоже... – улыбнулся Серый.
- Каряга, а мы сегодня отца твоего видели! – неожиданно ляпнул Курнос, Каряга чуть не поперхнулся пивом, а Курнос, довольный произведенным эффектом, продолжил: – Константин, ха-ха, кто бы мог подумать, что у тебя имя есть.
- Серый! Ты на хрен рассказал этому недоноску про отца?
- Каряга, ну извини, так получилось. Он сам подошел к нам и разговор завел, меня твой батя знает, – стал оправдываться Серый, чувствуя свою вину.
- «Знает»... падла он, а не отец, – с горечью выплюнул Каряга, – вспомнил меня... видать выпить нечего, козел! Денег не просил?
- Да нет, просто о тебе беспокоился, – неуверенно приободрил Карягу, Серый.
- Как же, дождешься от него... и вообще, ни слова о нем больше! Нет у меня отца и все!
- А что тут такого? Ну бич – отец, и что?.. – удивленно начал было Курнос.
- Заткнись свинья!
- Сам заткнись, а то нашелся тут обидчивый такой! – не унимался Курнос, – не ты первый такой, не ты последний! У тебя хоть отец есть, а у кого-то даже такого нет!
- Да ладно вам, хватит! – не выдержала Милка, как более тонкое существо, чувствуя возникающее напряжение, – у меня у самой мать алкашка, и ничего, я и не парюсь даже! Мы же не выбираем себе родителей, главное – я такой не буду, ни в жизнь!
- Уха-ха, – захохотнул немного истерично Каряга, – уж ты бы молчала, шалава мелкая...
- Сам такой! – обиделась Милка, уязвленная в самое сердце. Возникло неловкое молчание, нарушаемое всхлипами Милки. Минуту другую все молчали, а потом Милка все же продолжила: – И ни какая я не шалава...!
- Не шалава, так шлюха, или кто ты? – ехидно спросил Каряга, заминая уже пустую баночку и отправляя ее в сумку Курносу.
- Я... я... я же не трахаюсь, – неуверенно пробормотала Милка и уже более уверенно, продолжила: – ...я просто сосу... и какая разница конфету или ваши поганые херы... для меня это одно и тоже... и в себя я не даю сувать...
- Ха ха ха, – захохотал Курнос, взявшись за живот, – сувать... уха-ха, ну и дура.
- Сам дурак! – огрызнулась Милка, бросая злобный взгляд на Курноса. Оглянувшись на Серого в поисках поддержки, увидела такой же гайморитный смех. Каряга не отставал от мальчишек в веселье. Милка, не выдержав, со злостью в голосе заговорила: – Да сосу, так что же? Вы же сами потом жрёте на заработанные моим ртом, деньги! Сволочь! Скоты!
- Да ладно Милка, извини хм..., нас, – весело заговорил Серый, пытаясь сдержать свой смех, – ты же знаешь... что мы тебя... любим!
- После последнего слова, вся троица мальчишек загоготала навзрыд, отпугнув проходящую мимо старушку. Милка, с красным от гнева лицом, вскочила со скамьи и пересела на соседнюю лавку, с ненавистью посматривая на ухохатывающихся мальчуганов.
- Уроды! – выдавила сквозь зубы Милка.

Посмеявшись еще пару минут, они начали успокаиваться, поглядывая на девчонку.

– Милочка, ну хватит дуться! Прости ты нас дураков, – заискивающе извинился Каряга.

– Черти! – выдавила миролюбиво Милка, пересаживаясь обратно к мальчишкам на скамью. Характер у девочки был отходчивый, что прекрасно знали пацаны. – Вы думаете, я всегда буду этим заниматься? Нетушки... найду я себе хорошего мужа, выйду замуж и буду жить припеваючи! В собственной квартире!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.